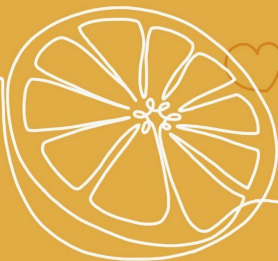

КАМЕРОН КАПЕЛЛО

Я БУДУ
ИСКАТЬ ТЕБЯ
ПОВСЮДУ

18+

Камерон Капелло

Я буду искать тебя повсюду

Серия «Романтическое настроение»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=73386963

К. Капелло. Я буду искать тебя повсюду: ООО «Издательство АСТ»;

Москва; 2026

ISBN 978-5-17-163134-5

Аннотация

Семь лет назад Магдалена покинула этот город, полностью изменив жизнь.

Но когда сестра зовет ее на свою свадьбу, она вынуждена вернуться в Кивассо – место, где ее сердце когда-то было полно радости и боли.

Спустя семь лет Тео вновь оказывается в Кивассо – маленьком городе, где ничего не меняется. Он знает, что должен держаться от Мэгги подальше, но не может игнорировать электричество, которое чувствует при ее малейшем прикосновении.

Старые тайны начинают всплывать на поверхность, грозя разрушить не только их сердца, но и судьбы близких им людей. Смогут ли Тео и Магдалена справиться с бушующими эмоциями и найти путь друг к другу? Или же прошлое окажется слишком сильным противником?

Содержание

1. Магдалена	5
2. Магдалена	16
3. Тео	24
4. Магдалена	33
5. Магдалена	37
6. Тео	44
7. Магдалена	50
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Камерон Капелло

Я буду искать тебя повсюду

Cameron Capello

I'll Look For You, Everywhere

© 2024 Cameron Capello

© Правдина А., перевод, 2025

© ООО «Издательство АСТ», 2026

* * *

Моим маленьким эсеницам.

Спасибо, что позволяете мне мечтать.

1. Магдалена

Уже пятнадцать чертовых минут я наблюдаю, как с каждым смешком вино в чужом бокале колеблется, грозя перелиться через край, но после тщетной попытки выплеснуться вновь оказывается в стекле.

Я прикрываю глаза, словно в полудреме, но тут замечаю, что бокал покрывается конденсатом от контраста холодного вина и внешней температуры: я смотрю, как стекло теряет прозрачность из-за капель, и прислушиваюсь к голосам вокруг. В нашу маленькую квартирку набилась куча людей, которых я не знаю. Смех флиртующих студентов становится все громче, где-то раздается легкий хлопок бутылочной пробки, кто-то со звоном роняет ключи. Из транса меня выводит покашливание; хрустнув коленями, я вытягиваю затекшие ноги. Снова смотрю на девушку с бокалом и вспоминаю, что мои руки не заняты выпивкой, в отличие от ее. В левой руке у меня письмо. Оно кажется слишком тяжелым для простого листа бумаги – конверт не обыкновенный белый, а плотный, цвета яичной скорлупы, и веса письму как будто добавляет напускная важность содержания. И все же оно важное... Я же не ошибаюсь? Боже, я сижу с кислой миной на собственной вечеринке.

Я с силой давлю пальцем на плотный острый уголок конверта, пока боль в подушечке не заставляет меня посмотреть

на свою руку. Кожа покраснела и набухла, и я жалею о том, что не могу проткнуть себя уголком до крови. Если вжать его в подушечку пальца еще сильнее, уголок просто согнется, станет вялым и податливым. А мне хочется, чтобы письмо причинило мне настоящую физическую боль; тогда у меня будет повод не вскрывать конверт и не читать послание. А потом проорать матери: «Ты покалечила меня своим письмом! Так что не жди ответа!» И тут я понимаю, что девушка с бокалом задала очередной вопрос. Я не слышала, какой именно, но догадываюсь, что она в третий раз выпрашивает у меня название городка, где я родилась.

– Кивассо, – отвечаю я.

– Прости? – еле выговаривает она. – Повтори, пожалуйста.

Лицо у нее такого же цвета, как бургундское; она давно за чертой благородного легкого опьянения. Хотя, стоит отдать ей должное, еще не надралась в стельку. Пока что она на той стадии, когда стакан холодной воды и крепкий кофе спасут ее от головной боли поутру. Она вытирает нос тыльной стороной ладони и выжидающе таращится на меня. Я могу сказать наверняка, что сейчас в ее голове мой образ, скорее, похож на цветную круговерть калейдоскопа, и, судя по тому, как она переводит несфокусированный взгляд то на мои брови, то на мой рот, перед глазами у нее стоят как минимум три моих лица. «Погоди, скоро тебе еще и граппу нальют», – хочу сказать я, но помалкиваю. Вместо того чтобы налить ей граппу, я продолжаю сидеть молча, ожидая, пока

наконец ее взгляд сфокусируется, и три моих лица сольются в ее сознании в одно.

Из колонки на кухне гремит соната Листа, а после почему-то Билли Джоел. Его голос разносится по квартирке, окутывает смешавшихся в одну толпу выпускников Оксфорда, мелодичным голосом призывая нас «никуда не торопиться, ведь нам и так хорошо». Меня призывать – напрасно время тратить. Я и так никуда не тороплюсь этой ночью, хотя я не уверена, что мне хорошо. Да и было ли когда-нибудь на самом деле?

Наверняка это выходка Эмили. Я люблю свою соседку по комнате, такую же, как и я, студентку. Ведь только такие претенциозные персонажи могут поставить Листа и Билли Джоела друг за другом на одной вечеринке.

Я снова поворачиваюсь к девушке с бокалом, и теперь мне на ум приходит слово «ступор». У нее застывшая улыбка, счастливая и грустная одновременно. Ну да, она в своем уютном мирке, в своем пьяном ступоре. Она облизывает губы, потрескавшиеся от обильных возлияний. Взгляд ее слегка остекленел – похоже, она даже не может вспомнить свое имя, куда уж ей до названия городка, в котором я родилась. Медленно моргая, она все же терпеливо ждет моего ответа. Есть у студентов Оксфорда такая традиция – нажираться в хлам в конце семестра. Это небольшое послабление после просиженных в библиотеке ночей и бесконечного переписывания тезисов докладов и экзаменационных работ.

– Ки-вас-со, – я отчетливо выговариваю каждый слог.

Глубже забравшись в кожаное кресло, я подтягиваю колени к подбородку, и письмо оказывается зажатым между моим животом и бедром – вот теперь никто из любопытных тусовщиков не сцапает его своими липкими ручонками. Хотя, если подумать, может, стоило бы швырнуть его в толпу? Пусть кто-нибудь из них провел бы лето в Италии вместо меня. По сходной цене – за отпуск всего лишь придется посетить свадьбу моей сестры. Я делаю небольшой глоток пива и вытираю рот тыльной стороной ладони, как одинокий ковбой в пабе в каком-нибудь старом вестерне. Ну да ладно. Скоро титры закончатся. Жизнь продолжится. Студия анонсирует сиквел. Это чье-то чужое кино. А когда начнется мое собственное? Когда начнется моя жизнь? Я оглядываю квартиру, в которой прожила последний год, и понимаю, что мне плевать. Я не хочу запоминать обстановку, я вообще не хочу ничего из этого хранить в своей памяти. Мне двадцать лет, и обычно в моем возрасте девушки так себя не ведут.

Мы в Оксфорде, и все здесь пропитано историей. К тому же богачи, которые его строили, не поскупились на декор. Стены словно выросли корнями в темные исторические времена, а камни, из которых они возведены, напитаны академическими знаниями. Под потолком выбиты лики ученых мужей, а ученые женщины похоронены в подпольных гробницах. Да, женщины отдельно, мужчины отдельно.

Потертое дерево полов библиотеки напоминает о том,

сколько блестящих умов ходило туда-сюда от книжных полок к столам читального зала и обратно. И я тоже здесь. Следы моих подошв внесли свою лепту в истертые полы; мои пустые чернильные картриджи так и лежат под скамейками из красного дерева в лекционных залах. В Оксфорде царит такая непревзойденная атмосфера интеллектуальности, что порой это обескураживает.

Но это место не стало мне домом. Хотя оно было таким для моей матери Виттории и для моего отца Клаудио.

Я делаю еще один глоток пива и понимаю, что опустошила бутылку.

Солнечные лучи никогда не проникают между построенными впритык богато украшенными зданиями. Поэтому здесь постоянно чувствуется влажный холод, который окутывает все мое тело, словно я хожу в непросушенном свитере и никогда его не снимаю. И не важно, принимаю ли я горячую ванну или совершаю пробежку вокруг кампуса, – этот промозглый холод всегда со мной. Неотступный, меланхоличный, словно плесень.

Я не успеваю погрузиться в печаль, потому что обивка кожаного кресла напротив издает противный, почти неприличный звук. Девушка с бокалом пытается встать. Я поднимаю на нее глаза.

– О! Кивассо! – будь она трезвой, у нее от радости зажегся бы взгляд, но она лишь с трудом кивает головой. Она присаживается на подлокотник, а я, улыбаясь, смотрю, как тяже-

леют ее веки, – и взгляд у нее умиротворенный, лишенный всякого страха. – Кивассо! – повторяет она снова и забавно шлепает себя ладонью по лбу, наконец осознав поданную ей информацию. Нечто в строении слова подсказывает ей, что оно итальянское, и она судорожно пытается отыскать в плывущем разуме все сведения об Италии, которые оттуда вообще можно выудить. В Оксфорде такое сплошь да рядом: даже под мухой студенты из кожи вон лезут, чтобы продемонстрировать свои обширные знания по любому вопросу.

– Люблю Италию! В прошлом семестре я ездила за рубеж, и это изменило мою жизнь. Ну правда, культура, ну такая... другая, более открытая, что ли. Понимаешь? Ну, не как здесь, в Британии, где местные могут быть... – она делает паузу, стараясь подобрать подходящее слово, – *депрессивными*.

Она хихикает, гордая столь смелым высказыванием. Впечатленная тем, что она, сама будучи британкой, не побоялась неординарно охарактеризовать своих соотечественников.

– Может быть, это итальянцы чересчур открыты? – слабым голосом произношу я в надежде, что она подхватит эту фразу и сама поведет беседу, а я помолчу.

Я беру пустую бутылку и начинаю отковыривать намокшую этикетку. Мне некомфортно. Я поглядываю на собеседницу и вижу, как ее губы расслабляются, морщинки у рта разглаживаются, как ей становится плевать на потекшую тушь, ведь она такая молодая, веселая и беззаботная, – и

мною снова овладевает тоска. Почему? Да потому что я не могу даже расслабить плечи, не могу так же, как и она, наконец погрузиться в блаженный пьяный ступор. И меня это бесит. Я хочу быть глупой девчонкой! Но в отличие от девушки с бокалом, я, хоть и пьяная, напряжена и чувствую на пальцах каждую каплю влаги с бутылки от которой отковыриваю этикетку. Я чувствую, что пряди с правой стороны лица заправлены за ухо, а с левой свисают прямо на глаз, прикрывая веснушку над левой бровью. Я не расслаблена, нет, я сижу и думаю, а заметил ли кто-нибудь, что у меня над бровью веснушка? Я окидываю взглядом кухню в поисках еще одной бутылки пива. Оксфорд так и не стал мне домом.

Я снова смотрю на ее бокал с вином. Глубоко вдыхаю, закрываю глаза, и запах алкоголя переносит меня в прошлое, где мне снова пятнадцать, и мы с Аникой в музее в Торонто. Мы сидим на мраморной плитке прямо под статуей Изиды, между нами стоит открытая бутылка вина, на горлышке которой остался след помады Аники фирмы Мас. Если я сейчас сосредоточусь на воспоминаниях, то наверняка услышу голос ее отца, доносящийся из кабинета за сувенирным магазином: он с едва заметным разочарованием перелистывает документы и все время напоминает нам, чтобы мы вели себя прилично. Он всегда сидит в своем кабинете и все слышит.

Мы с Аникой любили оставаться после закрытия музея, сидеть в сырой полутьме зала, и нам казалось, что как только табличка на двери переворачивалась на «Закрыто», музей

становился нашим. Лики статуй взирали на нас сверху вниз и словно шептали: «О нет, нет, музей не ваш, а наш». Я снова чувствую, как прижимаю бедра к холодному полу, лишь бы впитать в себя хоть немного прохлады в удушающе жаркий летний итальянский вечер.

– Статуи терпеть не могут холод, – любил говорить папа. – Почувствовав его, они вспоминают о смерти.

А мне кажется, итальянцы просто жмотятся на кондиционеры. Я с трудом подавляю стон и лишь надеюсь хоть на секунду ощутить так нелюбимую статуями прохладу. Вино разогревает кожу, смешиваясь с жаром вечера, и по затылку сквозь волосы вниз к шее текут капли пота. Я смотрю в глаза Изиде и думаю о том, что мысли о конечности бытия куда хуже, чем воспоминания о самой смерти.

Аника скидывает туфли и, подняв глаза на Изиду, кладет босую ногу на ее длинные пальцы.

– Она хочет меня трахнуть, – вздыхает Аника и нарочито интимно поглаживает вырезанные из мрамора пальцы Изиды большим пальцем своей ноги. – Не спрашивай, я просто знаю.

Мы смеемся. Аника рассказывает о своем последнем сексуальном походе, я слушаю, и даже ее отец, смущенный, тоже молча слушает ее из своего кабинета.

Я затерялась в подростковых воспоминаниях, но вдруг почувствовала, как письмо выскальзывает у меня из пальцев. Скрючившись, я нагибаюсь и поднимаю конверт с пола. Это

не первое ее письмо. Три других пылятся в комод, запря-
танные в ворохе зимней одежды.

Свадьба моей сестры.

Конечно, я хочу ее посетить. Но что-то при мысли об этом
заставляет меня вздрогнуть. Смутные воспоминания о том,
как мы, босые, крадемся с Аникой по притихшему музею,
захлестывают меня с новой силой. Я ежусь, когда понимаю
почему – на самом деле я подумываю о том, чтобы вернуться.

«О нет! – вопит мое подсознание. – Оксфорд стал твоим
прибежищем. Помнишь, от чего ты сбежала? От кого ты сбе-
жала. Подумай о том, как долго ты плакала».

Я вздыхаю. Может, я просто не люблю вечеринки? В боль-
ших компаниях я вечно веду себя как королева драмы и да-
же не знаю, говорю ли окружающим то, что думаю на самом
деле, или это просто моя роль.

Разогнувшись, я усаживаюсь в кресло и снова окидываю
взглядом комнату. Потертые деревянные полы, отколотый
угол керамической столешницы – однажды Эмили решила
открыть об него пивную бутылку. Вспомнив о том случае,
я произвольно ищу Эмили взглядом. Вот она: необуздан-
ные завитки волос разметались по плечам, она жарко спорит
по ерундовому поводу с мужчиной, в которого влюблена. Он
профессор – опасная дорожка. Но он очарователен и, кажет-
ся, даже слушает Эмили, когда она говорит. В другой день я
бы улыбнулась, глядя на них. Но сейчас я словно смотрю на
происходящее со стороны, не испытывая при этом никаких

эмоций.

В груди у меня горит. Девушка с бокалом расчесывает нос до красноты. У нее нет имени, она счастлива и свободна. «Я тоже так хочу!» – вопит мой разум. Я хочу потянуться к ней, ухватиться за ее беззаботность, отодрать себе хоть кусочек, проглотить и впасть в такой же, как у нее, пьяный ступор. Но я не могу.

Вместо этого я думаю о стенах домов Кивассо, вечных, покрытых пылью времени. Я сбежала, но в итоге лишь перевезла себя в другую страну вместе со своей печалью. Моя сестра не обязана расплачиваться за то, что я должна была разрулить много лет назад. Воздух тяжелеет, наливается грустью, мне становится тягостно. Я впиваюсь в конверт ногтями.

«Почему я вечно плетусь в отстающих?» Напуганная всем на свете и смертельно уставшая от этого страха.

Я выдыхаю, и мне кажется, что из меня вышел весь воздух. Жду, когда под кожей на запястье снова появится пульс. Опускаю взгляд на письмо – в ушах лишь белый шум.

Но потом я снова его чувствую; пульс отдается в кончиках пальцев, показывая, что я не мертвец, а просто трусиха.

Я провожу ногтями по восковому штемпелю, подушечки пальцев скользят по конверту, ощущая тиснение с именем моей сестры, и мне стыдно, что я испугалась ехать к ней на свадьбу.

Чувство стыда заставляет меня засунуть свои мелодрама-

тические размышления куда подальше.

Я еду.

2. Магдалена

С вечеринки прошла уже неделя, а Эмили все еще злится. Моя соседка по комнате, которая трахается с профессором, злится – на меня! Мы уже взяли билеты в Перу, куда собирались поехать с рюкзаками наперевес, и теперь она никак не может понять, какого черта я намылилась домой. Она произносит слово «дом» с отвращением, горечью и обидой от того, что для всех это слово так много значит. А для Эмили не значит ничего.

Пять месяцев назад она, как обычно, поцапалась со своей матерью, и наша поездка должна была гарантировать Эмили, что еще минимум на три месяца у нее будет приличный повод ее не навещать.

– Спроси у профессора Всезнайки, – хихикаю я.

– Не называй его так.

– Почему? Он же гордится своей образованностью. Неужели ты не заставляешь пылать его чувство гордости, Эмили?

– Я заставляю пылать у него кое-что совсем другое, – она подмигивает.

– Пóшло. Еще только полдень, не рановато?

Эмили опускается на колени возле кресла, обивка которого все еще липкая от пролитого на прошлой неделе алкоголя, и обхватывает мое лицо ладонями.

– Фу, мужики... Они мне противны! – ее черные кудряшки обрамляют лицо, и тень ее головы вторит очертаниям на стене комнаты.

– Ты и «дом», – она вздыхает и пытается поймать мой взгляд. – У меня в голове не укладывается.

Ее ладони согревают мне щеки, и я легонько прижимаюсь к ее рукам.

– Про тебя и «дом» я думаю то же самое, сестренка, – я пожимаю плечами. – У меня все сложно.

– У тебя вечно какие-то тайны.

– Вовсе нет! Я же рассказала тебе про прыщ на своей заднице?

– Только потому, что мне пришлось его выдавливать.

– Как пошло, Эмили! Еще раз повторяю, для пошлостей еще рановато.

Эмили стискивает мои щеки и надувает губки. Она встает.

– Неужели мне не удастся тебя переубедить, Мэгги? Перуанские мальчишки, перуанское вино, Мачу-Пикчу? Просветление?

– Я даже с английскими не встречалась, а ты подкладываешь меня под перуанских? – смеюсь я, довольная тем, что она меня простила. С Эмили всегда просто.

– У тебя вообще еще не было парня, дорогуша. Понять не могу. Тебе нужно просто один раз себя заставить, это же как прививка от простуды, – она спешит на кухню в поисках бутылки вина, хотя до полуденного боя курантов на башенных

часах осталась всего пара минут. – Ты чертовски красивая, умная и наверняка ты трахалась бы как...

Я смущенно ежусь.

– Да sta'zitto! Заткнись! – я утыкаюсь лицом в ладони: ненавижу, когда меня забрасывают комплиментами, я вообще всегда их ненавидела. В этом виновата моя мать.

Посмеиваясь, Эмили смотрит на меня.

– Ты не сможешь избежать секса всю жизнь, – она улыбается и, подпрыгнув, присаживается на столешницу, пытается дотянуться до шкафчика с заначкой. Я иду к ней в кухню и останавливаюсь в арке дверного проема.

– Кто-то наверняка заслуживает такую потрясающую женщину, как ты, – изрекает она и встает на столешницу ногами. Эмили поворачивается ко мне, и улыбка сходит с ее лица. Словно по тому, как я хмурюсь, она читает мои мысли и спрашивает себя, почему я такой стала.

От ее добрых слов я краснею; а еще мне страшно оттого, что мои мысли так легко прочитать по моему лицу.

– Почему бы тебе не позвать Всезнайку? Вы могли бы вдвоем приехать в Кивассо после своего перуанского тура? Я буду рада вас видеть, – я ковыряю облупившуюся краску стены. Мы обе знаем, что они не приедут, но сейчас мне кажется важным просто спросить.

От того, как я «искусно» сменила тему разговора, Эмили закатывает глаза и недолго молчит, обдумывая мое предложение.

– К черту все! Ладно. Я спрошу Всезнайку. Для мамы это будет неприятный сюрприз, – горько усмехнувшись, она осторожно идет по столешнице к шкафчику с бокалами. – Она страшно расстроится!

Я смотрю, как она безуспешно пытается дотянуться до верхней полки, и содрогаюсь от желания показать ей, как много она для меня значит. Я редко проявляю подобные чувства, но на этот раз все-таки иду к Эмили через кухню. Пол заляпан красным вином и лаком для ногтей. Эти половицы помнят истеричный безудержный смех воскресных вечеринок, они же впитали слезы, пролитые над экзаменационными работами. Я спешу обнять Эмили, но она все еще стоит на столешнице, и я могу лишь обвить руками ее икры.

– Что бы я без тебя делала, Эмили? – я произношу эту фразу отчаянно и пылко, чтобы показать ей всю степень моей признательности. Без Эмили какая-то часть меня так никогда бы и не родилась. Но сейчас только полдень, и еще слишком рано признаваться в таких важных вещах. Так что я просто стою, обняв ее за ноги, и вкладывая в этот жест всю свою любовь.

Эмили замирает, а потом наклоняется ко мне, чтобы обнять меня в ответ. Она нежно обхватывает меня за плечи и, вздыхая, ласково гладит по голове.

– Что со мной, что без меня, ты все равно ни с кем бы не переспала.

Она пихает меня в бок, и я взвизгиваю.

– Ах ты, стерва! – смеюсь я. – Ты же знаешь, что я просто жду.

Запрокинув голову, она смеется, пародируя самый отвратительный итальянский акцент, который я только слышала.

– Ты, мой дорогой подруга, ждешь свой Да Винчи, чтобы тот перевернулся в склепе, вылез из могилы и сорвал с тебя одежду! Ты, грязная, мерзкая...

– Даже не думай заканчивать эту фразу!

Соскочив со столешницы, она гоняется за мной по кухне; мы визжим как школьницы. Без нее я не выжила бы в Оксфорде. Уверена, ее послал мне сам Бог, чтобы она стала моим ангелом-хранителем.

Я встретила ее на пятый день учебы. Пошла на вечеринку, где совсем никого не знала, и в итоге решила найти туалет, где можно было уединиться. Я заставила себя пойти на туалет после звонка матери: она спрашивала, познакомилась ли я с кем-нибудь, и по голосу я слышала, что она уже готовила утешительные слова, уверенная, что я отвечу отрицательно.

– Да, познакомилась. И как раз иду к ним, – произнесла я, лежа в постели на мокрой от слез подушке.

– Отлично! Не буду тебя отвлекать, – она бросила трубку.

Я случайно наткнулась на Эмили в ванной комнате, где она, стоя со спущенными трусами, занималась громким сексом с каким-то парнем намного старше нее. У Эмили явно есть свой типаж. Я была так поражена, что запаниковала и

застыла в дверях. Загипнотизированная и перепуганная, я таращилась на их обнаженные сплетенные тела. Стояла, как античный герой, посмотревший в глаза горгоне Медузе.

– Хочешь продолжить вместо меня? – подняв на меня взгляд, спросила Эмили. Мокрые волосы прилипли к ее лбу, она громко дышала ртом, а глаза ее горели веселым огоньком. Ей было смешно! Как будто она ждала моего прихода, ничуть не смущаясь того, что ее застукали.

– Предупреждаю, его член такой огромный, что будет дико больно, – усмехнулась она и толкнула локтем стоящего позади нее мужчину. Тот ойкнул, и мне показалось, что он попытался усмехнуться. Я наконец выдохнула и зажмурилась.

– Нет, ну что ты! Мне кажется, ты можешь закончить самостоятельно! – я не могла сдержать смех. – В следующий раз запри дверь.

Я быстро захлопнула за собой дверь и зажала рот ладонью. Она ни на секунду не смутилась. А мне при воспоминании о том случае даже сейчас становится неловко. Хотя из нас троих только я была одета!

Эмили права. Я сама не знаю, чего боюсь. Даже когда я просто смотрю на мужчину, у меня в горле встает ком. И ребра сковывает болью. Я закрываю глаза и жду, пока все пройдет. Одна мысль об интима вызывает тошноту, потому что не смотря на поддержку Эмили, в глубине души я знаю, что никто и никогда не захочет близости со мной. Моя проблема не только психологическая. Может, я и не уродина. Про-

сто я не считаю, что могу стать необходимой другому человеку. Я высокая, даже слишком рослая, и в седьмом классе школы Лоренцо называл меня «Доска-два-соска», но предполагаю, что я немного ему нравилась. Волосы у меня длинные, каштановые и порой на солнце отсвечивают рыжиной. За последний год я похудела, и наверняка Аника при встрече это отметит. Некоторые мужчины и женщины пытались со мной знакомиться с вполне определенной целью, но это всегда происходило в темных уютных оксфордских барах. Разве же то, что случается после заката, считается?

Мне кажется, тело у меня достаточно женственное, чтобы с наступлением темноты я могла привлечь партнера.

Но, по правде говоря, я все равно не чувствую себя желанной.

Мое признание звучит так, словно я занимаюсь самобичеванием и прошу жалости и поддержки. Помню, как подростком я сидела на подоконнике и смотрела, как Аника целуется с каким-то парнем на веранде, и думала о том, что, если бы кто-нибудь рискнул приблизиться к моему лицу, я бы заорала.

Эмили никогда меня не поймет, не поймет это *ничто*, что живет внутри меня и каждый день напоминает мне о том, что я плетусь в хвосте, когда остальные живут полной жизнью.

Итак, в тот день Эмили вышла наконец из ванной, румяная и раскрасневшаяся («Я не шучу, он просто огромный», – пожаловалась она), взяла меня за руку («Не волнуйся, я по-

мыла руки») и спросила:

– Хочешь стать моей соседкой по комнате? А то моя нынешняя соседка – тварь конченная.

Я замерла, ошарашенная.

– Я вот к чему: ты уже видела меня голой, так что это вроде теперь не проблема, – она выжидающе уставилась на меня, наверняка догадавшись, что я соглашусь.

– Ну... наверное, да, – я покраснела, польщенная тем, что она будет рада стать моей соседкой по комнате и прожить бок о бок со мной весь год. – Но только если *он* с нами жить не будет.

Она снова уставилась на меня, и у меня от стыда перехватило дыхание – это была тупая шутка, сказанная в адрес едва знакомого человека. Я еще даже фамилии ее не знала.

Я уже хотела извиниться, как Эмили закинула голову и расхохоталась.

– О боже, да я никогда больше его не увижу, – она содрогнулась при мысли об этом мужчине. Потом взяла меня под руку, и мы пошли вместе. Она болтала о своих мечтах, о гороскопах и русской литературе. В тот момент я почувствовала, что не зря приехала в Оксфорд. И даже если я завалю все экзамены и меня никогда больше не пригласят ни на одну вечеринку, у меня есть Она. Эмили, Эмилия, как я называла ее на тосканский манер. Моя путеводная звезда.

3. Тео

«Твою мать, Тео. Просто подойди к ней!»

Она здесь, в зале выдачи багажа, ходит кругами в поисках меня. На ней красный топ с крупной надписью «РИМ». На секунду мне кажется, что я прячусь от нее, понимая, что наша встреча через столько лет разлуки все во мне перевернет. Но я не знаю, опасно ли это, будет ли нам больно и пожалею ли я о своем решении, которое должен был принять еще семь лет назад. Я громко прокашливаюсь, и она, вздрогнув, тут же оборачивается. Она скачет от восторга, хлопает в ладоши и пронзительно визжит.

– Тео! Мы уже сто лет тебя ждем! А ну, иди сюда! – Аника кидается ко мне и протягивает руки для обнимашек.

Я знаю, что она здесь одна. Но сказала «мы» по давно устоявшейся привычке. Хотя для меня, наверное, так будет лучше. После семи лет моего отсутствия меня здесь встречают. Вот черт. Кажется, это будет бесконечно долгое дерьмовое лето.

– Я скучал по тебе, – произношу я, и она обнимает меня с такой силой, что мне трудно дышать. Она пахнет солнцезащитным кремом и духами с ароматом смоковницы. Я глубоко дышу и закрываю глаза, кожей чувствуя, как сильно я скучал по ней. Аника пахнет домом. Кивассо стал моим домом, когда мне исполнилось семь. Однажды отец повел нас

за мороженым и сказал, что мы уезжаем из Эдинбурга. Помню, как мама, с грохотом уронив на стол ложку, начала хлопать в ладоши. Она была так счастлива вернуться домой и воссоединиться в Витторией.

– Не могу поверить, что это ты! – Аника обвивает мою талию руками и сжимает с такой силой, что у меня все болит.

– Я и забыла, какой ты крупный!

– Ну да, – бормочу я, уткнувшись ей в макушку, наслаждаясь тем, как сильно она по мне скучает. Но я никогда не признаюсь ей, как мне это нравится. Я снова чувствую себя братом, легкомысленным и готовым удивлять свою сестру.

– Я перестал расти еще в семнадцать лет. Это ты становишься все ниже, – говорю я ей в макушку. Аника на пару десятков сантиметров ниже меня. Мне хочется ее защитить. Но и в этом чувстве я ни за что ей не признаюсь.

– Заткнись. Если бы ты почаще приезжал домой, я бы привыкла к твоему гигантскому росту! – тон у нее мирный, но в словах слышится укор. Она меня еще не простила. Хотя я и не надеялся, что все будет так просто.

Она опускает руки и поднимает на меня взгляд. Берет меня пальцами за подбородок и крутит мою голову то в одну, то в другую сторону, разглядывая меня, как лаборант разглядывает подопытную мышь.

– И с каких это пор ты стал таким красавчиком?

Я беру ее руку в свою и целую ладошку.

– Я был красавчиком с тех пор, как вышел из материнской

утробы. Не забывай, – подмигиваю я.

Она фыркает и шлепает меня по плечу.

– Фу, мерзость! – вопит она и пытается забрать у меня дорожную сумку.

– Девчонки в Кивассо от тебя обалдеют, Тео. Будь осторожен, городок маленький, и, если ты кого-нибудь трахнешь, я узнаю об этом через три, ну, максимум пять часов.

– Господи, Аника. Еще только восемь утра. Это что, будет первая тема для обсуждения? – я отдергиваю руку, не давая ей забрать сумку. – Я сам понесу, – фыркаю я. Меня раздражает, что первое, что Аника захотела для меня сделать, это помочь нести тяжести.

Желая показать, что я повзрослел за те семь лет, что сестра меня не видела, я сам беру багаж. Аника закатывает глаза и опускает руки, позволяя мне тащить свои пожитки.

– Я не собираюсь якшаться с девчонками, – довожу я до ее сведения в надежде доказать, что за эти годы я многому научился.

– Ставлю, что ты не продержишься и трех дней.

– Да брось. Ты не видела меня семь гребанных лет. Я, по-твоему, что, дикий неандерталец? – я сглатываю, надеюсь, что, если произнести эти слова вслух, они станут правдой.

– Ладно. Тогда четыре дня.

– Иди к черту, Аника.

– Кажется, будто ты никуда и не уезжал! – она скачет впереди, кружится, натывается на персонал аэропорта и на жду-

щих свой багаж пассажиров, а те с неодобрением смотрят на нее. С нашей последней встречи она отрастила волосы. Темные, даже черные, как у нашей матери, они лежат тяжелой копной у нее на спине.

Через несколько минут у меня наконец проходит полетный мандраж. Семь лет прошло. Четыре из них я провел в Нью-Йорке, три в Коннектикуте. Мне было легче забыть о чувстве вины, когда я не видел лица сестры. Но теперь... Я делаю глубокий вдох.

Это был правильный выбор.

Я был дураком, думая, что возвращение – это риск. Был дураком, когда редко звонил домой. Ну разве можно жалеть о жизни в Кивассо, когда Аника до сих пор остается здесь? Моя сестренка. Я с силой сжимаю ручку чемодана. Меня захлестывают чувства вины и сожаления, а руки и ноги слабеют под их тяжестью.

Перед глазами проносится старое, покрытое дымкой времени воспоминание о размытом цвете, о едва слышном шепоте, о звуке рвущейся ткани. Я зажмуриваюсь. Я очень хочу показать Анике, что я не он и что, повзрослев, я не стану на него похожим.

Она оглядывается, и на лице ее светится гордая, широкая улыбка. Я не заслуживаю такого отношения. Но, глядя на нее, я вдруг понимаю, что копирую ее выражение лица. Я стараюсь сдержать улыбку.

– Да иди ты – смеюсь я.

Поравнявшись со мной, она, подбоченившись, встает как вкопанная.

– У тебя больше нет акцента, – она тихо посмеивается и удивленно смотрит на меня.

Я тоже останавливаюсь.

– Скажи это моим однокурсникам, которые не понимали ни одного чертового слова, что я говорил.

– Ну ладно, *va bene*¹, ты все равно шотландец, – Аника скидывает руки в знак протеста. Шотландец, итальянец, парень, попавший в американскую лигу плюща.

Мы выходим через вращающиеся двери аэропорта «Мальпенса», и меня обволакивает безветренное итальянское пекло. Оглядываясь по сторонам, я вдыхаю чарующий, золотой от солнечных лучей воздух, и на меня накатывает печаль. *Это мой дом.*

– Я просто говорю, что заметила американский акцент! А твои волосы! *Che cazzo*²! Они почти такие же длинные, как мои! Ты поэтому вернулся? С такой шевелюрой тебя выгнали из Йеля? – покрасневшая от эмоций, она активно машет руками.

– В Нью-Йорке многие ходят с длинными волосами, – заверяю я, но все равно заправляю прядь за ухо. Я и сам не заметил, что она уже давно свисала мне на лицо.

– Божечки, да как я могла забыть! Ты же говорил нам про

¹ Ладно. (Здесь и далее перевод с итал. яз.)

² Какого хрена.

переезд в гребанный Нью-Йорк в пятиминутном телефонном разговоре!

Она снова сказала «нам». Аника всегда так делает. Приписывает остальным свои чувства.

– *Tornerò su quell'aereo se non smetti di parlare, Anika!*³ – я прикусываю язык и жду, что сестра начнет потешаться над моим итальянским. Слова застревают у меня во рту, гласные становятся слишком длинными, и я с трудом их выговариваю.

И как по команде, она закатывает глаза.

– Сделаешь хоть шаг обратно к аэропорту, Тео, и я тебя прикончу, богом клянусь! Путь назад для тебя отрезан.

– Ладно, – улыбаюсь я. Глядя на сестру, я с болью в сердце понимаю, что не могу сейчас снова ее бросить. Да и сбежал я не от нее. И она это знает. Да ладно, не надо сейчас об этом думать.

Я иду за ней на парковку; тень навеса хоть ненадолго спасает от удушающей жары.

– И еще, Тео, не мог бы ты говорить на английском, – смеется она. – Боже, ты говоришь по-итальянски так, словно скребешь ногтями по школьной доске, – она морщится от отвращения. – Поработай над этим, Тео! Мы говорим на итальянском с английским акцентом! Английским! – она имитирует элегантный прононс и подмигивает мне. Анике было всего три года, когда мы переехали в Кивассо, так что един-

³ Аника, если ты не замолчишь, я снова сяду в самолет!

ственное, что выдает в ней шотландские корни, это ее дурное настроение по утрам.

*Come, questo!*⁴

– За пару минут общения ты успела охаять мои волосы, мое образование и мой акцент. Ты сама это понимаешь? – я поднимаю бровь, поддразнивая свою шумную сестру, у которой на все есть собственное мнение.

Я жду, что она ответит шуткой, но вместо этого она просто молчит и пристально смотрит на меня. И вдруг ее глаза наполняются искренними и неудержимыми эмоциями...

– Почему ты вернулся, Тео? – шепчет она. – Ты не приезжал домой целых семь лет.

Я сглатываю, язык наливается свинцовой тяжестью, руки внезапно слабеют, я убираю ручку чемодана, открываю багажник и кладу его внутрь. Мне нужно время, чтобы обдумать ответ.

– Я учился, – голос у меня раздраженный, словно она спросила меня о чем-то незначительном, а не о том, почему я семь лет не появлялся дома. Я придумал глупое оправдание, и сестра видит меня насквозь.

Лжец, лжец, лжец. Это написано у меня на лице; это слышится в каждом моем вздохе.

– Но теперь я дома, – добавляю я так, словно этих слов ей будет вполне достаточно.

Я захопываю багажник и, засунув кулаки в карманы, иду

⁴ Вот как сейчас.

к пассажирскому сиденью.

Поняв, что я больше ничего не скажу, Аника еще секунду смотрит на меня, вздыхает и кивает. Она принимает мой ответ, но только пока.

Несмотря на четыре года разницы, когда мы были подростками, Аника вечно увязывалась за мной. Я протестовал как мог, чисто для проформы, кидая в нее фразы из телевизионных шоу, которые на экране говорили старшие братья своим младшим сестрам. Но сам я все же всегда радовался, когда она составляла мне компанию. И все свои секреты я делил с ней. Кроме одного-единственного.

Мой отъезд стал первым предательством. Я знаю, что причинил ей боль, разорвал одну из связующих нас нитей. Это был первый раз, когда она за мной не поехала.

Но все эти годы она не злилась, не винила меня за отъезд. Отчасти она знала, почему я уехал, но отчасти все же не могла этого понять.

– Да, ты прав, теперь ты дома. И на этот раз я тебя не отпущу, – она опускает голову, ныряет на водительское сиденье и проворачивает ключ в замке зажигания. Я глубоко вдыхаю и втискиваюсь на узенькое пассажирское сиденье ее оранжевого «Фиата». К потолку приколоты значки с концертов, праздников и мероприятий, и по меньшей мере пятнадцать штук с фразой «Чистить зубы нитью – ужасно весело».

«Аника, – я закрываю глаза, она сдает назад. – Если бы ты только знала, как много я хочу тебе рассказать. И как силь-

но мне хочется, чтобы ты узнала правду». Гортань у меня словно горит огнем. Мы выезжаем с парковки аэропорта, и я смотрю в окно.

«Добро пожаловать! – мигает зеленым надпись на табло выезда. – С возвращением!»

4. Магдалена

Я лежу в кровати на белых, разогретых полуденным солнцем льняных простынях. Солнце в Италии описать невозможно... Здесь иной свет; он льется на землю с невероятной силой. Наверное, это потому, что Бог любит итальянцев. Даже их кожа, тронутая лучами небесного светила, пропитывается золотым цветом. Все вокруг горячее, и лишь капля пота, стекающая по моему виску, оставляет прохладную дорожку. Чтобы как-то отвлечься от щекотки, я начинаю ковырять белую облупившуюся краску на раме окна, наслаждаюсь тишиной и вслушиваюсь в собственное спокойное и радостное дыхание.

Я росла в этом доме с братьями и сестрой, и тишина была у нас редким гостем. Джозеф, Лучия и Данте – фантастическое трио, каждый член которого умел заполнить собой все свободное пространство. Джозеф – самый старший из нас и самый серьезный. Он готов был часами говорить о последних инновациях в сфере маркетинга. Мы избегали упоминать сайт нашего музея, чтобы он не разразился тирадой об аналитике посещаемости и оптимизации коэффициента конверсии. Лучия вся соткана из света. Сияющая, умная, великолепная. Она единственная пошла по стопам нашего отца и стала археологом, и за это она навсегда останется любимой дочерью. Она опытный путешественник, не бо-

ится темноты и даже не пользуется тональным кремом!

Я могла бы забить на свадьбу любого другого члена семьи, но это – свадьба Лучии! А в нашем доме ее имя произносят с почтением.

И наконец, Данте. О нем невозможно думать без улыбки. От нашей мамы он унаследовал способность говорить с кем угодно и о чем угодно. Даже старушки на рынке останавливаются, чтобы с ним поболтать. У него загорелая кожа и уложенные огромным количеством геля волосы. Он на пять лет старше меня, но как будто застрял в семнадцатилетнем возрасте. Любитель сквернословить, он смело идет за своими мечтами. В последний раз, когда я интересовалась его жизнью, они с Аникой планировали открыть винный бар на юге Франции. Аника и Данте не разлей вода и, наверное, влюблены друг в друга. Но мне кажется, сами они этого не понимают. А кто я такая, чтобы портить им их же сюрприз?

Когда я рассказываю о своих братьях и сестрах, то ясно вижу разницу между мною и ими. Когда это произошло? Возможно, я стала отличаться от них еще в детстве, в тот день, когда нам поливали наши крохотные головки в купели при крещении в костеле Кивассо.

Кивассо – маленький городок, и мы узнаём, кто, что, где и с кем, когда жители собираются у ворот кафедрального собора. Мы шумные, любопытные, жадные до деталей и любим драматизировать. На дверях наших домов нет замков, они всегда открыты для гостей, и каждый может зайти побол-

тать, если будет в настроении. Мы всем рады, и приход гостей не воспринимается как вторжение или досадная помеха. Местные любят спонтанные и незапланированные беседы; для них возможность общаться – настоящее благословение. Моя мать всегда дома; она открывает дверь и подпирает ее потрепанным учебником, чтобы та не захлопнулась, сидит и ждет, когда в дом постучит незваный гость. Родив четверых детей, она распрощалась со своей карьерой, и после долгих лет декрета ее амбиции совершенно угасли. Когда-то она работала в музее. Мой отец и глава семейства Синклеров до сих пор являются его совладельцами. Они оба уговаривают маму вернуться на работу и написать еще одну книгу. Но она просто качает головой и громко смеется в ответ.

Если я сейчас, лежа на третьем этаже, закрою глаза и сосредоточусь, то услышу, как члены моей семьи хохочут внизу. Это старый дом, и в нем все слышно. Мягкий стук шагов на кухне в полночь, поскрипывание ворот на заре, пьяные перешептывания Данте и Джо, которые спорят о чем-то, вернувшись с вечеринки. Даже когда все в доме засыпают, стены бодрствуют, издавая собственные едва различимые звуки.

Разбуженная яркими солнечными лучами, я резко открываю глаза и понимаю, что задремала. Вот черт. Скоро ужин. Я быстро выбираюсь из постели. Зеркало в ванной словно ждет, когда я обращу на него внимание, и, бросив взгляд на отражение, я заметила свой бледный, покрытый каплями пота лоб и растрескавшиеся губы. Я похожа на мертве-

ца. Мне некомфортно раздеваться перед зеркалом. В ванной Оксфорда панель была растрескавшаяся и к тому же висела высоко, так что я не видела себя голой уже целый год. Я тащусь на свое отражение и понимаю, что никто и никогда не видел того, что сейчас вижу я. Я – сама таинственность. Полуобернувшись спиной, я изучаю себя сзади, подмечая отметины на коже. Эти надоедливые шрамы. И мне снова становится некомфортно вот так себя голую разглядывать. Интересно, я всегда буду прятать от других свое тело?

Я так надолго задумываюсь над этим вопросом, что меня начинает мутить. С чего мне начать раскрываться миру? Волосы липнут к шее, и, в поисках расчески, я отворачиваюсь от зеркала. Когда я поворачиваюсь снова, то не могу встретиться взглядом с собственным отражением. Вместо этого я сосредотачиваюсь на кончиках волос.

5. Магдалена

– *Ah, Eccola qui! La regina stessa!* – Вот и она, ее королевское высочество!

Я захожу на кухню, готовая застать там кого-нибудь из соседей или зеленщика с пучком ботвы с собственного огорода.

И останавливаюсь в дверях. В кухне полно народа, мама сидит за столом, нарезает овощи, а Данте и Джо разместились подле нее. В углу стоит папа со стаканчиком граппы в руках, Аника сидит на столешнице. Я смотрю только на нее.

– Аника! – вскрикиваю я, ошарашенная тем, что моя сестра (не по крови, но по духу), сидит на моей кухне.

– Почему ты не сказала, что зайдешь?

– Хотела сделать сюрприз! Думала, ты еще спишь, иначе бы спряталась, – она утирает лоб тыльной стороной ладони. – Я хотела переодеться во что-нибудь понаряднее, чтобы встретить тебя как следует!

– Дурында, ты великолепна! – я сжимаю ее в объятиях, и ее теплый, вызывающий приступ ностальгии запах напоминает мне, как я на самом деле хотела домой.

– Ты такая худышка, *non sembra magra*⁵, – она понять не может, хорошо, что я похудела, или нет. А я просто хихикаю.

⁵ Но тощей ты вроде не выглядишь.

Мне хочется познакомить Эмили и Анику. Кажется, я, словно маяк, привлекаю шумных и уверенных в себе людей – им нужен кто-то, кто чуть усмирил бы их неумемную энергию, чтобы их не разорвало на кусочки. Я глубоко вздыхаю; меня начинает трясти при мысли о том, что в таких отношениях я выполняю роль пустого сосуда без собственного наполнения.

– Все из-за стресса итоговых экзаменов, – выкручиваюсь я в надежде, что собравшиеся перестанут так пристально меня рассматривать. Папа бросает взгляд на мои лодыжки, и я инстинктивно прижимаю одну ногу к другой.

– *Lo fa, le ho detto che Oxford era troppo stressante per lei*⁶, – вмешивается Данте, мой очаровательный старший брат, который решил не поступать ни в какие университеты.

Аника подмигивает и, едва сдерживая смех, гладит меня по плечу.

– *Perché non hai ascoltato Dante?*⁷ – она насмешливо цокает языком и поглаживает меня по голове, словно желая убедиться, что я и правда здесь.

– *Va bene*, ну отлично, теперь я не только тощая, но еще и глупая, – закатив глаза, я беру яблоко. – Довольны?

Аника отошла, и теперь мы смотрим друг на друга, взглядом договариваясь о том, чтобы улизнуть на улицу вдвоем. Это наш тайный код, который мы придумали в те годы, когда нам надо было по-тихому сбегать с еженедельных семей-

⁶ Я же говорил, что в Оксфорде она постоянно будет нервничать.

⁷ Почему бы тебе не послушать Данте?

ных сборищ. Подмигивание, короткий вздох, постукивание ботинком. Мы тренировались двенадцать лет и достигли совершенства. Я кидаю яблоко обратно в корзинку, Аника подливает в бокал вина, и мы выходим через заднюю дверь; болтовня за нашей спиной не стихает ни на минуту.

– Не могу поверить, что ты дома. Как будто мы сто лет не виделись, – шотландский акцент Аники почти не заметен, в отличие от акцента других членов ее семьи. Синклеры – крайне уважаемые люди в Кивассо; наполовину итальянцы, наполовину шотландцы, они стали первыми чужаками, приехавшими в этот сонный городок, и теперь их семью от всех нападков защищают старожилы из домов у главной площади. Когда они приехали, здесь все переменялось. Декстер Синклер вместе с моим отцом стал руководителем «Египетского музея» в Торино, превратив его из места, куда люди заходили, только чтобы спрятаться от дождя, в главную туристическую достопримечательность. Иностранцы наводнили город, чтобы посмотреть на выставленную Декстером коллекцию. А папа, ничего не смыслящий в маркетинге, с головой погрузился в раскопки.

Я делаю глубокий вдох и пристально смотрю на тени листвы, рожденные полуденным солнцем.

– Если честно, я не думала, что вернусь домой.

– Я что, отталкиваю людей? – вопит Аника. – Сначала Тео, потом ты. Этот год был просто отвратным.

– Бедная Аника, – я сжимаю ее колено и кладу голову ей

на плечо. – Только благодаря тебе мы снова здесь, Пироженка.

– Спасибо большое. Вот только Тео понадобилось целых семь лет, чтобы по мне соскучиться.

– А мне всего один! Наверняка за это ты любишь меня больше, чем своего брата?

Хохоча, Аника прижимается головой к моей склоненной макушке.

– Тебе что, вообще плевать на самый важный для Лучии день?

Я вздыхаю, обдумывая ее вопрос.

– Нет, конечно, нет. Просто мы с ней никогда не были так близки, как вы с братом.

– Лучия любит тебя, Мэгги. Ты же знаешь. Она бы ужасно расстроилась, если бы ты не приехала.

Как приятно разговаривать, прижавшись друг к другу головами.

– Конечно, знаю. – Я пытаюсь сменить тему. – Хватит говорить обо мне. Как все?

– У всех все в порядке. Мои родители вечно торчат в музее, и их почти не бывает дома, а я все еще их разочаровываю, так что ничего за год не изменилось! – вздохнув, она делает глоток вина. – Я, конечно, люблю тебя, но какого черта ты не в Перу? – она отстраняется и пихает меня локтем в ребра. Вот мы и сменили тему.

– Это же важный для Лучии день. Я и так не справилась

с ролью подружки невесты, но по крайней мере хоть поприсутствую на свадьбе. А Мачу-Пикчу никуда от меня не денется.

– Может, в следующий раз ты даже познакомишь меня с Эмили.

– Ты ненавидишь самолеты! Насколько я помню, ты всегда путешествуешь на поезде.

– На фига ты запоминаешь все, что я говорю? Чудачка.

Я поднимаю голову с ее плеча.

– Это потому, что я помню слова моей лучшей подруги о самолетах?

– Ты назвала меня лучшей подругой, – Аника делает еще один глоток и обнимает меня свободной рукой. – Я так скучала по тебе, чудачка, – шепчет она.

– Будь уверена, я скучала по тебе еще сильнее, – я обнимаю ее в ответ, и мне так безопасно в ее объятиях. – Я скучала по дому.

– Скучала по дому? – Аника отстраняется и смотрит на меня. – Ты уехала в британский университет, а потом решила, что скучаешь по дому? Матерь божья, могла бы остаться со мной и Данте! Еще не поздно! Не возвращайся в Британию!

– Из этих двух зол я точно выберу Англию, – смеюсь я. В отличие от Аники, Данте плохой компаньон в плане общения, особенно если я надолго застряну с ним в одном городе. Мы с ним никогда не были особенно близки. Наверное, его

смушала моя застенчивость, и в итоге, когда Джо и Лучия уехали из дома, он стал проводить больше времени у Синклеров.

– Да пошла ты, – Аника мотает головой. – Ты всегда была заумной. Ты и Тео, оба.

Она замолкает, глядя в надвигающиеся сумерки, а потом фыркает:

– Что за дерьмо со мной происходит? Вчера я положила соль в кофе. Чертову соль! Иисусе, у нашей семьи ужасная генетика. Это нечестно.

Я пытаюсь сдержать смех, но в итоге он вырывается из меня приглушенным хрюканьем, и Аника резко разворачивается, чтобы стукнуть меня в плечо.

– Да иди ты! – она вскакивает и, меряя шагами лужайку, делает огромные глотки из бокала, в промежутках понося свое семейство. – В жопу Тео, в жопу моих родителей, пошло все, в жопу твоих родителей тоже! Да если бы не ты, я давно ушла бы в монастырь. Сама знаешь, какой Данте невыносимый. Я больше так не могу. В прошлые выходные он заставил меня побрить ему спину, Мэгги!

Она не замолкает, ее слова тонут в моем громком хохоте. Наконец, она тоже начинает смеяться, а я валюсь со скамейки, держась рукой за живот, и подложив вторую руку под голову, ощущаю тыльной стороной ладони прохладу травы. Я вслушиваюсь в удары сердца, растягиваюсь на траве и глубоко дышу, наслаждаясь окутавшим меня покоем. Мы не слы-

шим, как открывается деревянная калитка, – и к нам, шурша
гравием, кто-то приближается.

6. Тео

Мама оставила мне записку:

«Ужин у Савоев. Будь там не позднее восьми. Мамуля».

Уже семь пятьдесят; я очень тороплюсь. До этого я несколько часов бродил по дому, выпил остатки отцовского джина и принял холодный душ; теперь щеки у меня теплые, а нос я почти не чувствую.

Я подхожу к подъездной дорожке и слышу смех: один голос точно принадлежит Анике, а второй мне не знаком, он глубже и насыщеннее, чем голос моей сестры. Почему я не могу его вспомнить? На меня ложится вся тяжесть последних семи лет, проведенных вдали от дома, и я останавливаюсь как вкопанный у самой калитки, боясь вторгнуться в ту жизнь, что сформировалась здесь без меня.

Уехав в Йель, я бросил не только свою семью, но и Савоев. И теперь я с ужасом думаю, что сейчас мне придется войти в дверь их дома. Я точно знаю, что они скажут: «Сколько лет, сколько зим! Ты наверняка уже напрочь забыл о нас!»

Но еще больше я боюсь, что они скажут «Мы по тебе скучали», потому что знаю, что я тосковал по ним еще сильнее.

В приступе паники я оттягиваю воротник рубашки и пытаюсь успокоить сбившееся дыхание. Господи, Тео, тебе еще не хватало схлопотать паническую атаку прямо на подъездной дорожке Савоев. Я считаю вдохи и выдохи и представ-

ляю, что будет дальше: я войду в кухню; отец делает вид, что ему плевать, и посмотрит на часы на запястье; потом пригладит рукой волосы, а второй еще крепче сожмет стакан с выпивкой.

Они слышали звук шагов, и смех стих; я останавливаюсь – я еще не готов к тому, чтобы меня увидели. Но я понимаю, что если они слышали мои шаги, то поймут, что я остановился, и это будет выглядеть очень странно, так что я с нарочито показной уверенностью иду к ним, впечатывая подошвы в шуршащий гравий.

– Кто тут? – это голос Аники, боевой и настороженный, она всегда готова дать отпор.

– Э... Это я, – отвечаю я смущенно и наконец выхожу к ним. Я так долго ни с кем не разговаривал, что голос звучит грубовато, напряженно и тускло. Я подныриваю под ветку дерева, и (спасибо изрядной порции джина) меня тащит вперед. И я вижу не Анику... А лежащую на траве девушку, кожа которой в густеющих сумерках кажется бронзовой.

– Привет, Тео, – здороваются она.

– Ты тут! Я думала, ты в отрубе! – выпаливает Аника. Она сидит на садовой скамейке, раскрыв руки для объятия, но понимает, что я стою слишком далеко, и тут же опускает руки. Она явно пьяна.

– *Devo fare pipi!*⁸ – мямлит она и, покачнувшись, встает на ноги.

⁸ Хочу писать.

Я опускаю взгляд.

– Привет, Магдалена. Едва тебя узнал.

Это Магдалена, моя Магдалена, подруга из детства. И вдруг меня начинают одолевать сомнения – а куда мне смотреть? И я таращусь на ее щиколотки. Изящные, с острой боковой косточкой. На ней льняной комбинезон; он расстегнут, и вся верхняя часть свободно свисает на бедра, а короткая белая майка задралась выше пупка. Я уверяю себя, что ничего этого не заметил.

Она смеется, а я тру глаза тыльной стороной ладони.

– В одно лето я выросла на десять сантиметров. Весь город только об этом и говорил. А ты отлично выглядишь, – беззаботно и одобрительно произносит она. Какие же у нее длинные ноги!

– Угу, н-да... Мне так не кажется, – голос звучит отрывисто. Я пялюсь на ее лодыжки, чтобы случайно не бросить взгляд на ее бедра. Она лежит, а я стою, нависнув над ней, и кажусь себе таким огромным, что боюсь ее перепугать. Я отхожу на пару шагов назад. Господи Иисусе. С каких пор я стал таким застенчивым?

– Я тоже только сегодня прилетела, но мой рейс не такой неудобный по времени, как твой. Ты, наверное, хочешь пить. Налить тебе что-нибудь? – она поднимается, и край майки прикрывает живот, локоны обрамляют лицо. Она почти такая же высокая, как я, – это уже не та маленькая Магдалена из моего детства. С чего она решила, что я хочу пить? Я что,

выгляжу иссушенным?

«Вот дерьмище, – я зажмуриваюсь. – Почему в Италии я становлюсь таким чувствительным?»

– Конечно, спасибо. Все уже собрались? – носком ботинка я пинаю камешек, лежащий сбоку от гравийной дорожки. Скорее бы Аника вернулась – наедине с Магдаленой я едва могу дышать.

– Угу. Они обрадуются, что ты пришел, – одергивая майку, она идет к задней двери, и я только сейчас понимаю, что ее майка была подвернута с одной стороны. Я до сих пор так и не взглянул ей в лицо, но мне от этого только легче. Если я посмотрю ей в глаза, то пожалею. Не стоит с вожделением пялиться на лучшую подругу младшей сестры. Это подло. Я презренный человек. Мне не дают покоя брошенные Аникой слова о том, что я потрахаюсь в течение недели после приезда. И, чтобы заглушить в памяти голос сестры, я заставляю себя думать о собравшихся на кухне гостях. Тщетно. Страстное желание разглядеть Магдалену, ее бронзовую кожу, пересиливает, и мне приходится яростно впиться ногтями в ладони. Я сосредотачиваюсь на том, что она говорит, стараясь не придавать ее словам сексуального подтекста. Она признается, что вся трепещет, что она взбудоражена и ликует. Я позволяю себе улыбнуться, когда из-за ее акцента и манеры растягивать и углублять букву «л» вся сказанная ею фраза будто стягивается к единственному заключительному слову «удовлетворена».

Савои этнические итальянцы, но, сколько я себя помню, мы с Магдаленой всегда говорили на английском. Просто однажды Виттория решила бросить вызов нашему английскому. Люди говорят, что у нас шотландский акцент; это благодаря отцу и летнему отдыху в Перте.

– Да, конечно, – я закатываю глаза. Она никогда не стала бы говорить так восторженно, если бы знала, что на самом деле происходило за стенами этого дома.

Дверь низенькая, и нам обоим приходится пригнуться. Я зажмуриваюсь под ярким желтым светом ламп.

Магдалена заходит первой – это хорошо, потому что иначе все взгляды тут же обратились бы на меня. Я стараюсь не пялиться на ее задницу. У меня есть несколько секунд, прежде чем все заметят мое присутствие. Я с трудом сглаживаю, и мне кажется, что сейчас лампы немного потухнут, и на лицах присутствующих наконец отобразится истинное отношение к моей персоне. Когда я в последний раз заходил в этот дом? Кафельные полы того же терракотового цвета. Бледно-желтые шкафы с проржавевшими ручками ящиков все так же стоят на своих местах. В углу примостился прежний красный пластиковый стул.

В этом доме время остановилось.

– Теодор! Гребанный призрак! – Данте подскакивает и идет ко мне. Он на десяток сантиметров ниже меня, и кажется, что он весь вымазался в геле для волос. Он весь блестит. Его висок касается моего, и я, едва сдерживая смех,

ощущаю, как чрезмерно плотно уложены его волосы. Ни одна прядь даже не пошевелилась. От него пахнет сигаретами и дорогой туалетной водой, которую он, скорее всего, украл в магазине. Он сжимает меня в объятиях, и я чувствую, как быстро и неровно бьется его сердце. Я обнимаю его так крепко, как только могу.

– Я вернулся, – я прижимаюсь губами к его плечу.

– О да. Мать твою, ты вернулся, детка.

7. Магдалена

Вся семья взволнована приездом Тео; даже Данте вот-вот прослезится.

Раньше Данте и Тео были не разлей вода, но, когда Тео уехал, в Данте что-то сломалось. Его губы, обычно растянутые в улыбке, стали напряженными, а цвет лица – тусклым. Тео был его светом. Все в Кивассо знали, что однажды Тео уедет, но для Данте это все равно стало неожиданностью. Правда, мы не думали, что Тео исчезнет столь внезапно. Но все к этому шло: он был одним из лучших учеников школы, одним из лучших спортсменов, лучшим любовником для девочек. Он всегда умел сделать так, чтобы в его присутствии люди и сами начинали осознавать свою ценность, – так что вряд ли он остался бы в родном городе.

В один прекрасный день семь лет назад Тео Синклер в четыре часа утра сел на самолет и улетел в Коннектикут, и наш мир изменился; облака в то утро висели низко, словно хотели задержать самолет между небом и Кивассо навечно. Фрукты стали казаться несвежими на вкус, Аника замолчала, а Чиниция Синклер еще много месяцев почти не выходила из своей спальни. Но в то же время для остальных жителей Кивассо его отъезд был не таким уж и важным делом, и жизнь в городе быстро пошла своим чередом.

Я смотрю на Тео – больше ста девяносто сантиметров ро-

стом, руки бугрятся бицепсами – и пытаюсь вспомнить, каким он был раньше. В детстве он тратил целый час, чтобы добраться на автобусе до школы для одаренных детей в Торино. Гений нашего маленького городка. Он был атлетичным, рвал соперников в клочья на теннисных турнирах, играл в футбол и участвовал в легкоатлетических забегах и дома, и в Торино. На него смотрели и о нем сплетничали с самого детства. Даже будучи на пять лет младше, я понимала, что он отличается от нас. Станет ли он врачом? Или адвокатом? А может, профессиональным игроком в теннис? На самом деле нас интересовал один, но очень важный вопрос: как Тео Синклер изменит мир и вспомнит ли он нас, взойдя на Олимп?

Вот почему мы все догадывались, что он сбежит. Это было очевидно. Все так ждали, что он прославит наш маленький городок. И однажды я последовала его примеру. За исключением того, что мой самолет приземлился в Англии, поближе к дому. В то время как самолет Тео улетел так далеко, что его никто не смог бы найти.

Все словно вынуждены жить в тени Тео. Вот, например, я: то ли потому, что я девочка, то ли потому, что молчуны никого не интересуют, но никто даже не замечал, что я захожу в школьный автобус вслед за Тео. И за семь лет никто так и не заметил, что я хожу в ту же школу для одаренных детей. А может, это потому, что я не умею играть в футбол. Для итальянцев это весьма важный навык.

Тео сидит на моей кухне, и после семи лет отсутствия все

его допрашивают.

– Ну да, я делал кое-какие исследования для Монастырской археологической программы Йеля в Соханге, в Индии, – признается Тео, и уши его краснеют от смущения. Я заморожена. Смотрю, как он говорит, и позволяю себе насладиться его красотой. Загорелый и крепкий, с серыми глазами. Плотные вьющиеся пряди волос лежат завитками около ушей. Как кто-то, кто умеет смущаться, при этом может быть настолько идеальным? Это нечестно. Я ничего про него не знаю. Ни о его интересах, ни о том, чего он стыдится. Ум Тео не уступает его красоте. Страшно даже подумать, что этот мужчина – Ахиллес, но без слабого места.

Глядя на Тео, я вспоминаю, как до меня впервые дошли слухи о его репутации. Данте, Тео, Аника и я сидели на поезд до Торино – мы с Аникой следовали за мальчиками, как два растерявшихся щеночка. Я ходила в школу в Торино, но никогда там не развлекалась.

Никогда.

В свете дня Торино почти ничем не отличается от других итальянских городков: брусчатые мостовые, здания, когда-то служившие пристанищем для богов римского пантеона, теперь превращенные в независимые бутики и табачные магазинчики. Трудно осознать, насколько здесь все древнее. Но ночью... улицы наводняет молодежь. На тротуарах в ряд выстраиваются дешевые пластиковые столики; друзья собираются вместе и танцуют прямо на тротуарах под доносящу-

юся из какой-нибудь машины музыку. В фонтаны льют пиво. Это не проявление неуважения, нет, скорее ритуал, который помогает сохранить город вечно молодым; наши города выжили только благодаря таким ритуалам и загадочной ночной жизни. Если бы люди знали, как много тайн хранят эти улочки, то почувствовали бы себя незначительными – или молодыми.

В одну из таких ночей я вдруг поняла, какая у Тео репутация. Мне было двенадцать, и в то утро я купила свою первую в жизни подводку для глаз. Аника оставила на моей постели журнал *Lei Glamour*, и с обложки, дразня голубыми глазами, на меня взирала Мила Йовович. Я пролистала первые страницы с рекламой красных помад и неоновых-синих теней и остановилась на статье, рекомендующей купить темно-бордовую подводку, которая сделает глаза пленительно огромными.

В то время я искренне полагала, что смогу соблазнять мужчин глазами.

Тициана, девушка постарше, которая училась в параллельном с Тео классе, спросила меня, не могу ли я их познакомиться.

– *Che bello!* – заявила она. – Это просто огонь!

Музыка была громкой и соблазнительной. Ее вопрос ввел меня в ступор.

– С Тео? – с глуповатым выражением лица переспросила

я. – *Vouì parlare con Theo?*⁹

Я задала этот вопрос таким тоном, словно она планировала заняться сексом с моим братом и хотела, чтобы я по-присутствовала. Тео для меня был практически как Данте, названным братом, и сама мысль о том, что кто-то находит его привлекательным, меня ошарашивала, так что у меня не было ни малейшего желания знакомить его с Тицианой. Хотя теперь, оглядываясь назад, я понимаю, насколько я неправильно его воспринимала.

Мне стало страшно. Этот вопрос словно высветил для меня Тео – как парня, как мужчину, и я уже не могла вернуться к прежнему восприятию. Я боялась, что, если скажу ему о том, что Тициана находит его привлекательным, он решит, что и я тоже воспринимаю его как мужчину. Я размешала колу без сахара в стакане и посмотрела на Тициану.

– Прости, но я плохо его знаю.

Позже я узнала, что Тициану не остановил мой отказ; тем же вечером их застукали занимающимися сексом на заднем сиденье машины Декстера Синклера. Для Тео это было нормой. А мне было двенадцать, и еще больше, чем приключения Тео, меня заботил заданный на лето список литературы и угрозы стоматолога надеть мне на зубы брекеты.

Тео был лучшим другом Данте, и эмоционально я считала его своим братом. Но для остальных жителей Кивассо... Тео пробуждал вожделие в неопытных девушках; он был как

⁹ Ты хочешь поговорить с Тео?

жеребец на полной кобыл поляне. Вот почему я перестала с ним разговаривать. Я боялась, что, если буду общаться с ним, он подумает, что я тоже его хочу. Мое молчание должно было показать ему, что я никогда не попрошу его о чем-то интимном. Я никогда не захочу, чтобы он сделал мне больно. Повлияла ли эта мысль на мою повседневную жизнь или нет, я не знаю, но мне всегда казалось, что да.

Он сидит на моей кухне на том же уродливом красном пластиковом стуле, на котором сидел семь лет назад. Ничего не изменилось. Он все еще выше меня ростом, но, в отличие от меня, выглядит по-настоящему взрослым. У него широкие плечи и мускулистые руки. Он все так же красив. Лицо у него напряженное, словно он старается скрыть эмоции, но движения бровей выдают его. Когда кто-нибудь говорит с ним, можно заметить, как внимательно он слушает. Для него чужие слова имеют ценность. Хотя для большинства людей ценны лишь их собственные высказывания. Прядь волос легла ему на лоб. Я не осознавала, что таращусь на него, пока он не посмотрел прямо на меня.

– Магдалена? – он второй раз за вечер произносит мое имя.

– *Scusa*¹⁰, о чем ты спросил?

– Тебе нравится в Оксфорде?

– Оу... Там хорошо. Сложно, но оно того стоит. Мне нравится учебный материал, – я отвожу взгляд, не уверенная,

¹⁰ Прости.

что дала исчерпывающий ответ на его вопрос.

Он опускает взгляд на стол и понимающе кивает.

– Насколько я помню, ты всегда любила читать, – он делает глоток из принесенного кем-то стакана. Мне кажется, сейчас он что-то добавит, но он молчит.

– Ну да, зато она ненавидит общаться, – добавляет мама пренебрежительным тоном. С чего вдруг? Я что, успела перед ней провиниться? – Какой смысл читать, если тебе даже не с кем обсудить прочитанное?

Отец Аники стоит в уголке и смотрит на дно своего стакана так, словно рассчитывает найти там предсказание судьбы. Он прокашливается:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.